

Бондаренко Константин Михайлович

д.и.н., профессор

Могилёвский государственный
университет имени А.А. Кулешова,
г. Могилёв, Республика Беларусь

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX В.

В статье анализируются идеологические воззрения и программные установки правомонархических партий России на проблему русской государственности и некоторые документы их белорусских отделов.

Ключевые слова: *правомонархические партии, крайне правые, центристы и умеренно правые, Государственная дума.*

Монархическое движение представляло собой определённую мировоззренческую целостность. Стержнем идеологии правых являлась известная триада: «Православие, Самодержавие, Народность». Однако в её содержании к началу XX в. произошли изменения в приоритетах и на первое место традиционалисты переместили самодержавие. Это вполне соответствовало велению времени, так как в результате роста революционного движения и усиления оппозиционных настроений в обществе самодержавие оказалось под большей угрозой, чем прочие устои российской государственности, и его необходимо было защитить в первую очередь.

В связи с этим уже в первых программных документах правых мы находим идейное обоснование данного тезиса. Так, Русская монархическая партия (РМП) заявляла: «Самодержавной Власти Русского Монарха грозит в настоящее время опасность. Враги этой Власти хотят ограничить её посредством Государственной Думы, превратив Думу в конституционный парламент, решениям которого Государь должен будет беспрекословно подчиняться. Монархическая партия, - говорилось далее в программе, - будет отстаивать Самодержавную Власть в том неприкосновенном её виде, к какому Государь получил её от Своих Царственных Предков, создавших с помощью Божьей и самоотверженным трудом Русского народа всё величие России, благодаря именно этой Власти, без которой Россия существовать не может» [7, с. 426-427]. Таким образом, РМП выдвинула и отстаивала идею сохранения в России неограниченной власти царя, отрицая создание в стране каких бы то ни было органов народного представительства. Практически та же мысль содержится в «Обращении Русского Собрания к избирателям в Государственную Думу» от 12 декабря 1905 г. – первом программном документе старейшей в России монархической организации. В нём заявлялось следующее: «Русское Собрание считает, что царское самодержавие не отменено Манифестом 17-го октября 1905 г. и продолжает существовать на Руси и при новых порядках, и что Государственная Дума не призвана и ни в коем случае не может изменять что-либо в Основных законах... Самодержавный царь не тождественен в глазах русского народа с правительством, и последнее несёт на себе ответственность за всякую политику, вредную православию, царскому самодержавию и

русскому народу» [3, с. 246]. Царская власть рассматривалась Русским Собранием как залог «исполнения Россией её всемирно-христианского призвания... внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства...» [3, с. 246]. Эти идеи получили закрепление в «Основных положениях Союза Русского Народа» [7, с. 440], а затем в тексте избирательной платформы Союза Русского Народа во вторую Государственную Думу, утверждённой первым съездом уполномоченных отделов СРН в сентябре 1906 г. под названием «Русскому народу» и ставшей основным программным документом Союза [7, с. 448; 5, с. 190-197]. В нём, в частности, говорилось: «Самодержавие Русских Царей, Православную Церковь искони освященное, по воле Государя Императора осталось и после 17-го октября неизменно, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России. Самодержавный государь есть Высшая Правда, Закон и Сила, а посему Союз приглашает всех Русских Людей сплотиться вокруг своего Государя, решившего при участии Государственной Думы и Государственного Совета, при полном общении со своим народом, наилучшим образом разрешать все неотложные задачи о благоденствии Русского Народа и могучем росте нашей Родины» [5, с. 190].

Программы других правых партий были весьма сходны идейно и структурно и почти ничем не отличались от основного документа Союза Русского Народа, поэтому Третий Всероссийский съезд Русских людей в Киеве в октябре 1906 г. признал его образцовым для всех монархических организаций [5, с. 241]. Конечная цель движения определялась введением в стране прочного правового порядка, основанного на единстве и нераздельности Российской империи и неизменности самодержавия, покоившегося на единении царя с народом [5, с. 81]. Могилёвское духовенство, к примеру, решив примкнуть к монархической партии, заявляло: «Единственным исторически оправданным средством спасти Россию от неурядиц является сохранение самодержавной формы правления при осуществлении тех гражданских свобод, которые даны Манифестом 6 августа и 17 октября» [2, с. 617]. Как видно из программных документов, отстаивая неизменность самодержавной власти царя, правые, повинувшись монаршей воле, были вынуждены признать факт существования Государственной Думы и пойти на поиск компромисса в отношениях с ней. Более пространно и вместе с тем более доступно для понимания произошедших перемен высказался в этом отношении Союз русских людей при Могилёвском Богоявленском Братстве. В предвыборной программе Союза, принятой в ноябре 1905 г., было записано: «Основные положения нашего союза (самодержавие, православие и народность) не новые, а исконные в истории государства Российского. Они были теми устоями, на которых опиралось русское государство в течении многих веков и которые срослись с самой природой русского народа и неотделимы от нея. Манифестом 17 октября основные начала русской государственной жизни не уничтожаются, но только им дается новое понимание... надо разъяснить народу, - говорилось далее, - что сила Высочайшего манифеста от 17 октября в том, что им, вместе с дарованием гражданской свободы, величайшего блага народов, русские люди призываются к участию в разрешении вопросов государственной жизни...; что заветные святыни народа – православие и самодержавие не нарушаются; что «не устранился и не может устраниться Царь от народа своего, – Он всегдашний вершитель судеб русской земли и ныне и впредь только его

высочайшей властью будет освящаться закон и утверждаться всякое право» (Воззвание Св. Синода от 29 октября)» [9, с. 643-644].

Идеологи монархизма, таким образом, не отрицали полезности и необходимости наличия в России народного представительства, но подвергали критике саму идею ограничения самодержавной власти царя, в которой видели единственную объединяющую силу и гаранта существования обширного полиэтнического многоконфессионального государства. В идеологическом обосновании необходимости сохранения для России самодержавной власти царя правые исходили из исторического прошлого страны, выделяя те события, которые утверждали общенародную роль государства и самодержавия в единении всех сословий и групп населения.

В трактовке функций Государственной Думы в среде консервативно-монархических организаций чётко прослеживается наличие двух диаметрально противоположных точек зрения: одни признавали её законодательные функции (центристы и умеренные), другие (крайне правые) оставляли за народным представительством только роль совещательного органа при царе.

Например, Русский Народный Союз имени Михаила Архангела (СМА), повинувшись монаршей воле об учреждении законодательного народного представительства в лице Государственной Думы и признавая необходимость её существования, давал в своей программе следующее разъяснение: «Провозглашенное с высоты Престола незыблемое правило о том, что отныне никакой закон не может воспринять силу без одобрения его Государственною Думою, проникнут доверием Верховного Законодателя к этим «выборным людям», вследствие Государственной их мудрости, не могущим утверждать: ни бесполезных, ни тем более вредных законов для самого себя, т.е. для Народа Русского, а тем более не могущим посягнуть на ограничение прав Самого Верховного хозяина всей земли Русской и Созидателя самой Государственной Думы» [5, с. 376]. Напоминая положение Манифеста 17 октября о том, что «никакой закон не может воспринять силу без одобрения его Государственною Думою», СМА, вместе с тем, недвусмысленно заявлял, - преступно приходиться к обратному заключению, что «всё одобряемое Государственною Думою должно воспринять силу закона...» [5, с. 376]. Из этих посылок следует, что правомонархические центристы однозначно оставляли за царём право принятия окончательного решения при утверждении закона. Схожие позиции по отношению к Государственной Думе в части ограничения её полномочий занимал и Союз Русского Народа-обновленческий (СРН-обновленческий) [6, с. 3-38].

Несколько более определённо в поддержку законодательных функций Государственной Думы высказывались русские националисты. В уставе Всероссийского национального союза (ВНС) умеренные правые монархисты в качестве одной из основных целей своей деятельности определили содействие «упрочению русской государственности в началах самодержавной власти царя в единении с законодательным представительством» [10, с. 1]. Ещё категоричнее было их программное требование после окончательного организационного оформления ВНС в 1911 г. Второй пункт программы гласил: «Незыблемость представительного образа правления. Законодательная власть Самодержавного Царя в единении с Государственною Думою и Государственным Советом. Наблюдение законодательных учреждений за законностью действий правительства» [7, с. 367].

На территории белорусских губерний монархические круги с удовлетворением отнеслись уже к царскому Манифесту от 6 августа 1905 г., который рассматривался как призыв, обращённый к русскому народу, «к самому тесному единению со своим Самодержавным Царём», при этом подчёркивалось, что без потрясения самодержавия избранникам народа «открывается свободный путь к полному проявлению своих талантов» [8, с. 397]. После 17 октября 1905 г. уставные и программные положения общероссийских союзов по данной проблеме находят чуть ли не дословное воспроизведение в документах их белорусских ответвлений. Так, устав русских националистов Гродненской губернии дословно повторяет устав ВНС, декларируя, что «Русский Национальный Союз Гродненской губернии имеет целью содействовать: ... г) упрочению русской Государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством» [14, л. 25]. Уже в первом воззвании «К русским людям Гродненской губернии» Русский Национальный Союз как бы с удовлетворением констатирует тот факт, что «... милостью Государя Императора нашего дорованные России Государственный Совет и Дума решают законы, касающиеся и нашего края, и его населения» [1, л. 33]. В § 9 Устава Минского православного братства необходимость активного участия в выборах в Думу всех православных избирателей также объяснялась тем, что «по воле Государя Императора, выраженной в Манифесте 17 октября, ни один закон не может воспринять силу без одобрения народных представителей» [12, с. 2]. На укрепление русской государственности на окраинах России как важнейшего условия сохранения традиционных самодержавных устоев делался акцент во всех уставных документах белорусских монархических организаций [9, с. 643; 11, с. 4; 16, с. 1; 15, с. 3; 13, с. 225-226].

Другую точку зрения на место и роль Государственной Думы в государственной структуре Российской империи имели крайне правые монархические партии, среди которых определяющее значение имел СРН, а после его раскола, с декабря 1911 г., - Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН). В качестве идеального варианта народного представительства Союз Русского Народа считал восстановление «исконной русской православной земско-государственной соборности в виде Земского Собора или Государственной Думы из православных излюбленных коренных русских людей, выбранных всенародно посословно или по приходам, благочиниям, волостям, уездам и губерниям, как будет удобнее каждому сословию» [7, с. 442]. В том же духе выступали и белорусские крайне правые. В частности, Могилёвский Союз русских людей декларировал в своей программе следующее: «Кардинальным положением союза служит сохранение за Государем решающего голоса по важнейшим вопросам государственной жизни. Дума посему не должна явиться сколком с иноземных парламентов, но приближаться к тем земским соборам, которые действовали в допетровской Руси. От самодержавной власти Царя зависит указание тех функций, в пределах которых Дума будет иметь решающее значение, а в остальном она удерживает характер совещательного учреждения» [5, с. 646].

Позиции крайне правых по отношению к Государственной Думе не претерпели никаких существенных изменений вплоть до их окончательного ухода с политической арены. Они были определены специальным постановлением Учредительного съезда Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (21 ноября – 1 декабря 1911 г.) «О

Государственной Думе». В нём отмечалось, что «с самого начала её существования и до сих пор, вопреки воле Монарха, Государственная Дума служила и служит местом крамолы, расчленения и духовного растрепания русского народа, присваивая себе роль парламента – конституционного учреждения. Потому-то Союз Русского Народа теперь же безотлагательно должен идти на помощь своему Самодержцу и выполнить своё обещание – дать Думу Русскую по духу и на деле работоспособную, а самой Думе указать её роль по мысли как учреждения законосовещательного» [6, с. 82].

Установки съезда стали руководством к действию для всех белорусских отделов и подотделов СРН, оставшихся верными А.И. Дубровину и вошедших в состав ВДСРН. Подтверждением этого факта служит письмо Витебского губернского отдела ВДСРН «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II» от 28 февраля 1917 г., в котором было сказано: «Повели распустить Государственную Думу до окончания войны, вменяя ей в вину недопустимость вселять тревогу в население призывом к Государственному перевороту... Богом на Тебя возложен великий долг охранять Россию и русский народ..., а Предками Твоими завещано Тебе беречь самодержавие русских царей, под сенью которого ширилось и росло могущество России» [4, л. 151-152 об.].

Литература:

1. Воззвание «К русским людям Гродненской губернии» // НИАБ (г. Гродно). – Фонд 92. – Опись 1. – Дело 133. – Л. 33.
2. К выборам в Государственную думу // Могилёвские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1905. – 11 ноября (№ 21) – С. 617-620.
3. Кирьянов, Ю.И. Русское собрание. 1900 – 1917 / Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 2003. – 352 с.
4. Письмо Витебского губернского отдела В.Д.С.Р.Н. 28 февраля 1917 г. «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II» Государственный архив Российской Федерации // ГАРФ. – Фонд 116. – Опись 1. – Дело 84.
5. Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы: в 2 т. / сост.: Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 1: 1905 – 1910 гг. – 720 с.
6. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. / сост.: Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 2: 1911 – 1917 гг. – 816 с.
7. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.
8. Слово Преосвященного Стефана, Епископа Могилёвского и Мстиславского по случаю объявления манифеста об учреждении Государственной Думы // Могилёвские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1905. – 15 августа. – С. 397-404.
9. Союз русских людей при Могилёвском Богоявленском Братстве // Могилёвские Епархиальные ведомости. – 1905. - № 22. – 15 ноября. – С. 643-644.
10. Устав Всероссийского национального союза. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – 4 с.
11. Устав Минского отдела Общества «Северо-Западное Русское Вече» // Минская речь. – 4.01.1906. – № 111. – С. 4.
12. Устав Минского Православного Народного Братства имя животворящего Креста Господнего. – Минск: Тип. С.А. Некрасова – 1907. – 16 с. – С.2.
13. Устав общества «Крестьянин» // Крестьянин. – 1906. – № 15-16. – С. 225-226.

14. Устав Русского Национального Союза Гродненской губернии // НИАБ (г. Гродно). – Фонд 92. (Гродненский уездный предводитель дворянства). – Опись 1. – Дело 133. Переписка с губернатором, контрольной палатой и др. о разработке порядка празднования юбилея Отечественной войны, об организации уездного отдела Русского национального союза Гродненской губернии [1912 – 1913]. – Л. 25-32.
15. Устав Русского Окраинного Общества. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1908. – 13 с.
16. Устав Русского Окраинного Союза // Минское Слово. – 30.01.1907. - № 46. – С. 1.